

ИШУИИИИ

КОНСТАНТИН
ВАНШЕНКИН

ОКНА

К. Ваншенкин —

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1962

КОЕ-ЧТО
ТИН

ВАШЕ
КОН

ЛИРИКА

ОКНА

«Я люблю тебя, жизнь! — эту строку из широко известной песни, слова которой принадлежат Константину Ваншенкину, можно было бы поставить эпиграфом к новой книге его стихов «Окна».

О чем бы ни писал поэт — о человеческих взаимоотношениях, о природе, о минувшей великой войне, — любовью к жизни, глубокой заинтересованностью судьбами людей пронизана его лирика.

Манера письма К. Ваншенкина достаточно известна. Его мягкость, непосредственность, глубокое проникновение в духовный мир человека уже издавна привлекали к нему внимание наших читателей.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мир отрочества угловатого.
Полгода с лишним до войны.
Два наших парня из девятого
В девчонку были влюблены.

Любовь бывает не у всякого,
Но первая любовь — у всех:
И оба парня одинаково
Рассчитывали на успех.

Но тут запели трубы грозные,
Звя сынов родной земли.
И встали мальчики серьезные,
И в первый бой они ушли.

Она ждала их, красна девица,
Ждала двоих, не одного.
А каждый верил и надеялся,
А каждый думал, что его.

И каждый ждал: душой согреть его
Уже готовится она.
Но вышла девушка за третьего,
Едва окончилась война.

Косицы светлые острижены,
И от бывшего — ни следа...
Ах, если бы ребята выжили,
Все б это было не беда.

ВЕСЕННЯЯ ПРИРОДА

О, первые весенние мазки,
Природы ученическая робость!
Разрозненные пробные листки, —
От пышных рощ их отделяет пропасть.

Удаче каждой радуется глаз.
Зацвел орешник — нет его дороже.
Казалось бы, уже в который раз,
И всякий год почти одно и то же.

Наверное, есть навык, мастерство, —
В который раз кроит она и лепит.
Но мысль: «А вдруг не выйдет ничего?» —
В который раз ее ввергает в трепет.

* * *

Счастливы слышать женский смех,
Гроз полнотных канонаду,
Счастливы видеть первый снег,
Стройных сосен колоннаду.

Я ценю свой прочный дом,
Ясность мудрую в народе
И естественность во всем:
В жизни, в женщине, в природе.

Безыскусственность! Сестра
Высочайшего искусства!
Что мне громких слов игра,
Если сердцу с ними пусто!

Есть в стихах твоих, поэт,
Колизей и циркорама,
Старый Свет и Новый Свет,
Дарданеллы и Панама.

Но когда в тиши ночной
Я читаю этот опус,
Предо мной не шар земной,
Предо мною только глобус.

Еле слышный мысли всплеск —
Плод случайных наблюдений,
Афоризмов ложных блеск,
Приблизительность суждений.

ЗАКАТ

Какой закат горит — вполнеба! —
Как нам оказанная честь.
Его хватить могло вполне бы
На пять закатов и на шесть.

Меня влечет смешенье красок, —
Край неба яростно-багров,
Как будто там идет подпасок
Со стадом огненных коров.

А в высоте, над головою,
Мне зелень чистая видна:
Там переходит голубое
В лимонно-желтые тона.

Горит, расплавленный как в тигле,
Закат. Густы его костры...
...Мы в жизни многое постигли,
Мы вторглись в дальние миры.

Но что бы нас ни занимало,
Какие б ни были мечты,
А нам все мало, мало, мало
Земной нехитрой красоты.

Нас не покинет чувство это,
Что б с нами в жизни ни стряслось,
Пока живет моя планета,
Пока скрипит земная ось.

С Н Ы

М. Галлаю

Девушке любимый ночью снится,
И — наоборот:
Парню снятся длинные ресницы,
Пухлый рот.

Старому поэту снятся строки, —
Их манящий звон, —
Лучше тех, что в памятные сроки
Создал он.

Школьнику — задачка: нетто, брутто,
Пузырек чернил.
Женщине счастливой снится, будто
Милый изменил.

Разное приснится людям этим,
Часто невпопад...

А пилотам снится, словно детям,
Что они летят.

ЯБЛОКИ

Тишь. Но касается слуха
Странный, неведомый звук.
Яблоки падают глухо,
Время от времени, вдруг.

Ветви устали, ослабли.
Шлеп!.. И опять — погода.
Будто гигантские капли
Падают после дождя.

Стонут под грузом подпорки.
Завтра, по первой росе,
Яблок веселые горки
Вырастут возле шоссе.

То, что созрело, готово,
Надо отдать, чтоб опять
Новое веское слово
Новому лету сказать.

ОРКЕСТР

Зевают музыканты,
Стоят к плечу плечом,
Тоскуя, ждут команды,
Мечтают кто о чем.

Глядят ленивым взглядом,
А вид их слишком груб
И слишком скучен — рядом
С веселой медью труб.

Вот поднимает руку
Невзрачный дирижер,
Но сохраняет скуку
Оркестра сонный взор.

Собрав шепоткой губы,
Как будто от обид,
К губам подносят трубы,
И... грозный марш гремит.

С Н Е Г

На землю белую идущий
Почти недвижною стеной,
Струится снег, все гуще, гуще,
И заслоняет свет дневной.

Совсем не чувствую движенья,
Так он медлительно течет,
Как видно, сила притяженья
Его к земле едва влечет.

За этой белой пеленою
Поселки скрыты и леса,
За этой белой тишиною
Гудки, звонки и голоса.

За этим занавесом белым
Вся в блеске солнечном зима.
За этим мысленным пределом
Лежит Вселенная сама.

Так пусть в ней будет все как надо:
Прилеты птиц, разливы рек,
Громов июльских канонада,
Шумящий дождь, бесшумный снег.

СКАМЬЯ

Я вырыл ямы, столбики поставил
И набросал обломки кирпича,
Утрамбовал, землей засыпал плотно
И снова не спеша утрамбовал.
Я с двух досок содрал рубанком острым
Шершавый ворс и длинными гвоздями,
Входящими свободно в древесину,
Те доски к стойкам намертво прибил.
Со спинкой дело было посложнее,
Но я и с этим справился успешно.
Потом развел я краску на олифе
И выкрасил старательно скамью.
«Окрашено» — табличку я повесил:
Мне было бы ужасно неприятно,
Когда бы зазевавшийся прохожий
Непоправимо вымазал штаны.
Вот все готово. Я позвал знакомых,
Чтобы мою работу оценили,
Чтоб посидели здесь и отдохнули,
Листая ежемесячный журнал.
Я так гордился, будто бы построил
Сияющий дворец по меньшей мере.
Ведь сделанное нашими руками
Для нас всего дороже на земле.

...С тех пор мы много выстроили зданий,
А после битв отстроили их снова.
Мне повезло, — скамейка уцелела
Под ливнями и вьюгами времен.
С ней связаны уже воспоминанья
Людей, которых вовсе я не знаю,
Которые меня не знают тоже.
Но это не меняет ничего.
Утрами для гуляющих старушек,
Днем для детей, а ночью для влюбленных
Стоит она в саду на косогоре —
Скамья в инициалах и сердцах.

РОДНЯ

Муж, смеясь, чуть-чуть поморщился,
Чайной ложечкой звеня.
— Ну, терпи, моя помощница,
Едет мужнина родня.

Но смотри, чтоб не обидела,
Их как следует прими... —
А она их в жизни видела
Лишь на карточке — детьми.

— Все как надо, милый, сделаю!.. —
На работу муж пошел.
А она скатеркой белую
Застелила круглый стол.

Занялась делами, пряткая,
В ожидании родни.
Слышит — стукнули калиткою,
Только глянула — они.

Вот они — золовка с деверем,
У калитки в акурат,
Под ее любимым деревом
С чемоданчиком стоят.

И она походкой ловкою
Вышла — брата их жена.
Перед старшею золовкой
Стала вежливо она.

Не забыла и о девере, —
Фуражка на бочок,
Он живет на Крайнем Севере,
Полярный морячок.

Смущены. Не знают, главное,
Как им быть — на «вы»? на «ты»?
А у них неожиданно славные,
Странно близкие черты.

И тогда их в щеки чмокнула,
Как положено своим,
И, всплеснув руками, охнула:
— Ох, да что ж мы здесь стоим!..

И, гордясь своею долею,
Свитым накрепко гнездом,
Приглашает в дом, тем более,
Что он дорог, милый дом,

Если сам в мечтах вынашивал
Все, что есть сегодня тут.
(Пусть порою лучше нашего
Люди добрые живут!)

— Заходите в дом, пожалуйста.
Чем богаты, — говорит.
Пироги несет, поджаристы,
Аппетитные на вид.

А сама в цветастом фартуке,
Брови темные вразлет.
Объясняет: — Мой на фабрике.
Как отпросится — придет...

УТРО В ДОНБАССЕ

Уже входило утро в русло,
Туманом даль заволокло,
И озеро светилось тускло,
Как запотевшее стекло.

Туман рассеивался мерно.
Вдруг вспыхнул цинковый карниз,
На гидроруднике, наверно,
А может быть, на «пятой-бис».

Так освещались перелески,
Что неожиданно они
То представляли в ярком блеске,
То гасли медленно в тени.

А надо всем пейзажем гордо
Вздыхались трубы, высоки,
И дружно прочищали горло
Вдали рабочие гудки.

Звучала песня их большая
Под слабою голубизной
И в мир плыла, не нарушая
Всей соразмерности земной.

* * *

На угле отпечатана листва,
Стеблей обрывки, веток сочлененья,
Как будто лишь отдельные слова
Погибшего когда-то сочиненья.

Как будто фантастический мороз,
Когда уже все сникло и поблекло,
Узоры эти резкие нанес
На черные зияющие стекла.

Не тысячи, а миллионы лет!
И вдруг под наше небо голубое
Такой простой, понятный сердцу след
Проходчики выносят из забоя.

Выносят это на всеобщий суд,
Обследуя великую планету, —
Торжественно и бережно несут,
Как статую, как редкую монету.

Толпится заступающий наряд,
Хоть люди видят это не впервые.
Рассматривают, спорят, говорят:
«Смотри, смотри, прожилки, как живые!...»

Идет работа, аж земля дрожит,
Садится солнце в степь, за терриконом.
А на столе начальника лежит
Обломок угля рядом с телефоном.

ШАХТА

Уходит смена на рассвете
В мерцающую мглу.
Летят, проваливаясь, клетки
По шахтному стволу.

Там, под землю, в каждом штреке
Струится пот по лбам,
Стремятся угольные реки
По длинным желобам.

Свои подземные законы.
Подземный гул работ...
А сверху степь да терриконы
Да редкий снег идет.

И я со сменой утром выйду
Иль ночью при луне.
Я тоже так — спокоен с виду,
Но все поет во мне.

...Свободно выются снега хлопья,
И сердце чуть щемит.
А терриконы наподобье
Великих пирамид.

Г А Р М О Н И С Т

Вот гармонист. Он только учится, —
Зато не покладая рук.
Сидит на лавочке и мучится
И страшно мучит всех вокруг.

Бредя походкою нечеткою,
Он продирается вперед.
И, как высотку за высоткою,
За нотой ноту он берет.

Склонившись бережно над хромкою,
Фальшивит яростно. И вдруг
Обрывком, фразою негромкою
Невольню радует наш слух.

Притих, и пальцами широкими
Так робко бродит по ладам,
Как будто в детстве, за уроками,
Читает книжку по складам.

...Как снег, белеют стены мазанок.
Темно. Зовут его домой.
Сидит с гармошкой бедный пасынок
Великой музыки самой.

МАЧТОВЫЕ СОСНЫ

Пока росли,
 наверно, кто-то
Тянул их кверху за вихры.
Они как будто жаждут взлета
И лишь застыли до поры.

Они желают перемены
В судьбе. Их линии смелы,
И бесконечно современны
Их параллельные стволы.

Такая четкость в их повадке,
В осанке каждого ствола, —
Как бы на стартовой площадке
Ракет взметенные тела!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Все явственней громыхая,
Все резче слепя глаза,
Еще без дождя, сухая,
Идет над землей гроза.

Все яростней, все упорней
Из угольно-черной мглы
Зазубренных белых молний
Изломанные углы.

И вдруг на лиловом фоне
Я вижу вдали холмы
И ясно, как на ладони,
Сад, выхваченный из тьмы.

Смородины куст. Беседка.
Меж ближних домов проем.
И тоненькая соседка
С любимым своим вдвоем.

Влюбленная эта пара,
Не думая ни о чем,
За вспышкой ждет удара,
Прижавшись к плечу плечом.

Гроза! Не шутите с нею!
А впрочем, какой с них спрос?
Лишь не было бы страшнее
Над их головами гроз.

Как вызов слепой стихии,
Бесстрашно живет любовь.
А молнии бьют косые,
А гром громыкает вновь.

...И я навсегда запомнил
За окнами — там, внизу,
Свиданье при блеске молний
Ночную порой, в грозу.

ПАРОВОЗЫ

В ненастье, в зной, в жестокие морозы,
От станционных зданий в стороне,
Ночами тихо дышат паровозы,
Причмокивая изредка во сне.

Всю ночь под их громозкими котлами
Измазанный, как дьявол, кочегар
Старательно поддерживает пламя,
Малиновый помешивает жар.

И часто, несмотря на расстояние,
Вдруг озаряет явственно меня
Их с виду незаметное сиянье,
Свечение их вечного огня.

Исполнены великого терпенья,
Ждут утра, примирившись с тишиной.
Изогнутых путей хитросплетенья
Поблескивают слабо под луной.

Блестит луна на буферных тарелках.
Кругом лежит подобие реки:
Как бакены, фонарики на стрелках
И светофоры, будто маяки.

Но вдруг вблизи — волнующий и резкий,
Внезапно возникающий сквозняк:
Раздвинув ночь, проносится курьерский
Или стучит на стыках товарняк.

В трудах проходит время и в заботах
Над железнодорожной рекой...
Свое на этом свете отработав,
Уходят паровозы на покой.

...Когда лежу я вечером в постели,
Я вспоминаю (правда, не всегда)
О часовых, затерянных в метели,
О моряках, ведущих в шторм суда.

Я слышу, как режут над степью грозы,
Как возле водокачек, при луне,
Ночами тихо дышат паровозы,
Причмокивая изредка во сне.

ОТДЫХ У МОРЯ

Море грохочет ночами,
В берег стучать не устает.
Будто идет за холмами
Длинный-предлинный состав.

Встать бы, вскочить на подножку,
Ехать и ехать бы мне.
Вот задремал понемножку,
Станцию вижу во сне.

Поезда слышу гуденье.
Долго еще до шести.
Часты мои пробужденья,
Как остановки в пути.

Люди спешат, уезжают,
Слышен последний звонок.
Вижу: не всех провожают,
Кто-то стоит одинок.

Ты понапрасну не сетуй,
В этом природа моя, —
В жизни обыденной этой
Вижу Поэзию я.

Вижу ее, понимаю,
Верю в нее, как в зарю,
Кепку пред нею снимаю,
Тихо ей так говорю:

— В слякоть, в жару и в порошу
Шли мы с тобою не врозь.
Я тебя в жизни не брошу,
Ты меня только не брось...

...Я просыпаюсь от счастья,
Море утихло. Роса.
Бегло смотрю на запястье —
Только четыре часа.

СЛОМАННАЯ СОСНА

Сосну сломало ветром. Ей вовеки
Не выситься на этом рубеже.
Осина вновь пустила бы побеги,
А здесь — здесь все потеряно уже.

Промчалась буря. Тихо-тихо стало.
Открылся голубеющий зенит.
Но, словно звон далекого металла,
Чуть слышный стон все в воздухе висит.

МЕТЕЛЬ

А за окнами гудит февраль,
А за окнами горит фонарь,
Он качается и гаснет на ветру,
Я в окошко ничего не разберу.

Мы с тобой сидим вдвоем в тепле,
Но я там душою — в мутной мгле,
Где рокочет снеговой приборой...
Ты спросила тихо: «Что с тобой?»

Что ответить мне? Со мной беда:
Не могу спокойным быть, когда
За окошками февраль гудит,
За окошками фонарь горит
И качается, мигая, на столбе...
«Я в дороге!» — отвечаю я тебе.

БОЛЬ

Солдат в палате стонет по ночам.
«Нога болит!» — зовет он к врачам.
«Когда же это кончится, сестра?..»
А ногу-то отрезали вчера.

Давно прошла великая война,
Но все равно во мне звучит она.
И сердце сохраняет все равно
Друзей моих, которых нет давно.

ОТСТУПЛЕНИЕ

(1941)

Кругом равнина... Влево, вправо
Ни кустика, ни деревца,
Лишь неба синяя отрава,
И лишь дорога без конца,
Что сплошь воронками изрыта...

Да трое раненых солдат
По черным крыльям «мессершмитта»
Из трехлинеек ввысь палят.

НАСТЯ

Хоть в дому висит подкова
На счастье,
Жизнь сложилась бестолково
У Насти.

Над землей звенела стужа
Когда-то.
Провожала Настя мужа —
Солдата.

Два письма к жене солдатской
Приплыли,
А потом замолк он в братской
Могиле.

Вновь снега густые пали
На села.
Ах, какой это был парень
Веселый.

Хоть в дому висит на счастье
Подкова,
Не отыщет больше Настя
Такого.

РАНЕНЫИ

Нетвердо с пригорка сбежал,
Шатаясь, дошел до поляны
И, рухнув, руками зажал
Свои огнестрельные раны.

И слышит он скрипы дверей,
Смех девичий, лепет гитары...

Придите к нему поскорей,
Найдите его, санитары!

БАЛЛАДА О ПРОЛИТОЙ КРОВИ

Поодаль бой гремел
В ночи, когда солдата
Внесли с лицом, как мел,
В землянку медсанбата.

Там знали, что к чему,
Все было наготове.
И сделали ему
Переливанье крови.

Смешалась эта кровь
С его остывшей кровью.
И шевельнулась бровь,
Да-да, он двинул бровью.

И отступила мгла,
Как видно, снова жил он.
А кровь быстрее текла,
Толчками шла по жилам.

А кровь уже неслась
В немислимом потоке.
Жизнь захватила власть —
Порозовели щеки.

...Вот наступил черед,
Простился он с врачами
И поспешил вперед
С винтовкой за плечами.

В отчаянном бою
За землю дорогую
Вновь пролил кровь свою,
А с ней и ту, другую,

Которая уже
Его, солдатской, стала...
...На дальнем рубеже
Цветы у пьедестала...

Там, где течет Иртыш,
Есть маленький поселок.
Зимой снега до крыш,
Нагроможденья елок.

С утра горит восход
Морозной полосой.
Там женщина живет
С тяжелой косою.

Не слышала она
Свистящего металла.
Воздушная волна
Ее не оглушала.

И родственников нет
Таких, что в битвах были...
Она встает чуть свет,
Глядит на елок шпильи.

Поев, прибрав жиле,
Уходит на работу.

Пролита кровь ес
За счастье и свободу.

НЕВЕСТЫ

Из-за девок драться перестали.
Думаешь, сознательными стали?
Много девок в нашей стороне,
Да ребята наши на войне.

Девок много, все они красивы,
Девок много, все они тоскливы.
Как солдатам хочется вдали,
Чтобы всех дождаться их могли!

Дни идут. Снега в ложбинках тают.
Новые невесты подрастают.
И не смотрят вдаль из-под руки, —
Подрастают рядом женихи.

ВСТРЕЧА

Пока дрались солдаты
На дальних рубежах,
Ровесницы-девчата
Росли, как на дрожжах.

Воспоминаний груды
Мы за собой влекли...
Взрослы и полногруды,
Встречать они пришли.

Был прежде стан их тонок,
Был беспричинен смех.
Мы помнили девчонок
Совсем-совсем не тех.

А эти опьяненно
Глядят — не сводят глаз
И посреди перрона
При всех целуют нас.

И слезы проливают,
Не утирая их,
И нас припоминают —
Совсем-совсем других.

МИНСКОЕ ШОССЕ

Дорога ветру свежему открыта.
И перед нами в утренней росе
Солдатские фигуры из гранита, —
Как много их по Минскому шоссе.

Солдатские фигуры на опушке,
Над речкой возле белого мостка,
У каждой мало-мальской деревушки,
На площади любого городка.

Нас ждут дела. Мы проезжаем мимо.
И вот они теряются из глаз.
Но в нас, живых, живут они незримо,
Как в них, гранитных, есть частица нас.

СОЛДАТЫ

В земле солдат намного больше,
Чем на земле.

Перед Москвой, над Волгой, в Польше,
В кромешной мгле,
Лежат дивизии лихие
И корпуса.

А сверху дали голубые
И небеса.

Лежат бригады, батальоны
И тыщи рот.

А сверху по траве зеленой
Проходит взвод.

Какая ждет его дорога?
Встает рассвет.
В земле солдат и так уж много
За много лет.

СОРОК ПЕРВОГО ГОДА РОЖДЕНЬЯ

(ПЕСНЯ)

*Солдатам Группы Советских войск
в Германии посвящая*

Сорок первый немыслимый год.
Над моими родными местами
Пролетает чужой самолет,
В синем небе чернея крестами.

Материнские груди пусты,
Пал отец в справедливом сраженье.
Слышен тоненький плач сироты
Сорок первого года рожденья.

О, великая наша земля!
О, могучая ратная сила,
Что, по длинным дорогам пыли,
В грозной битве врага подкосила.

Расцветайте, родные края,
Поднимайтесь из пепла, селенья,
Где растут без отцов сыновья
Сорок первого года рожденья.

Но всему наступает свой срок.
И, под звонкое пенье метели
Покидая родимый порог,
Надевают ребята шинели.

И далеко, у Эльбы-реки,
Где дождей монотонных круженье,
Нынче мир берегут пареньки
Сорок первого года рожденья.

Служат там, у Земли на виду,
И на мальчиков смотрит планета.
В сорок первом жестоком году
Кто бы мог и подумать про это?!

Пусть вовек не грохочут бои,
Пусть навеки умолкнут сраженья...
Будьте счастливы, братья мои
Сорок первого года рожденья.

* * *

Хоть рев стволов зенитных лют
В ножах прожекторного света,
Но это праздничный салют,
А не налет воздушный это.

Но ведь по логике вещей
Вполне на свете вероятны
Таких пылающих ночей
Совсем другие варианты.

Бывает, сердце вдруг сожмет
Как бы холодными тисками,
Когда во мраке самолет
Мелькнет, мерцая огоньками.

Но, бодрость духа сохранив
И сердца четкие удары,
У нас, в краю лесов и нив,
В ночи вращаются радары.

Я видел это: их цветы
Прекрасны и неприхотливы,
Среди беззвучной темноты
Их лепестки неторопливы.

И по ложбиночке от них
К орудиям протянут кабель,
Весь в блеске крупных дождевых,
В траву срывающихся капель, —

Чтоб наливались бы плоды,
И созревали в поле злаки,
И не сулили нам беды
На небе огненные знаки.

* * *

О, эти вечера в Политехническом!
Сижусь, внимая каждому стиху.
Трибуна в четком свете электрическом,
Я ж на галерке где-то, наверху.

Потом опять толкучка гардеробная.
Протискиваюсь, взяв свою шинель.
Москва большая, тихая, сугробная, —
Едва-едва окончилась метель.

Иду один, шепчу стихи нечаянно,
Счастливый, среди полночной тишины.
Еще и ни строки не напечатано,
И нет еще ни дома, ни жены.

И все, что я в полях холодных выносил,
И все, что людям высказать хочу,
И жизнь моя реальная, и вымысел,
И дальняя дорога — по плечу!

Все реже мы стихи друг другу
Читаем, бросив все дела,
С трибун торжественных по кругу
Иль просто сидя у стола.

А прежде было по-другому:
Тебя завидев за версту,
Собрат выскакивал из дому
С призывным кличем: «Дай прочту!»

Мы пишем. Мы еще не слабы.
Нас ждет читатель — верный друг.
Но что б мы делали, когда бы
Поэтов не было вокруг?

Дорога наша круче, круче.
Колючим воздухом дышу.
И если ты напишешь лучше,
Я тоже лучше напишу.

* * *

Ниспроверяют незаслуженно
Порой талант. И он молчит.
Зато посредственность натуженно
Сама взбирается на щит.

Пускай потешится. Пожалуйста.
Ведь совесть Времени чиста.
Оно бесстрастно и безжалостно
Все ставит на свои места.

Забыто все пустопорожнее,
Всему достойному — хвала,
И возвеличиванье ложное
Страшней, чем ложная хула!

* * *

Надоела симметричность
Этих статуй и картин,
Монотонная привычность
Разговоров и квартир.

Не в обиде и не в раже, —
Это надо понимать! —
Я строку сломал бы даже,
Только совестно ломать.

Ты качаешь головою,
Говоришь с улыбкой ты:
«Симметрично все живое —
Люди, звери и цветы».

Это так. Но, между прочим,
Вот береза. И на ней
Ветви к северу — короче,
К югу — ярче и пышней.

Не последняя забава —
Бьется, полное огня,
Сердце слева. Ну, а справа
Нет же сердца у меня?!

ТОВАРИЩ

Он явился не сразу. И не было вспышки.
Не шептали восторженно: — Кто он такой? —
Он в работе себе не давал передышки,
Не забыл, а не знал, что такое покой.

Он себя ублажал непрерывной работой,
Что и страстью и отдыхом сразу была.
И заметил один, и десятый, и сотый
Плод стараний его. И вскричали: — Хвала!

Он накапливал силу свою постепенно,
Незаметно стал мастером точным, и вот,
Опадая, исчезла ненужная пена
И удача, как женщина, вышла из вод.

И воскликнули многие: — Это событие!.. —
А собратья его, с кем он путь начинал,
Кто совсем не смотрел на него в общежитье,
Подтвердили: — Всегда был в нем этот запал!

И вниманье свое на него обратили,
Зависть, грусть и надежду скрывая с трудом,
Рты раскрыв, как соседи по старой квартире,
Что справлять новоселье пришли к нему в дом.

НОВЫЕ ДОРОГИ

Нам незнакомая дорога,
Где внове каждый бугорок,
Длиннее кажется намного
Уже исхоженных дорог.

Там — что! Отметив перемены,
Что на пути произошли,
Идем, спокойны и степенны,
А мысли где-нибудь вдали.

А тут все держит в напряженье,
Мы и не ведаем, что тут
Не машинальное движенье,
А для души особый труд.

Дорог нелегкая отрада,
Что нам подарена опять...
Здесь столько нам заметить надо,
Сравнить, запомнить и понять.

Здесь устают не только ноги,
И за один короткий час
Как эти новые дороги
Порой выматывают нас!

ОНЕГА

От столицы нашей до Онеги,
До резного легкого крыльца —
Как от Альфы, скажем, до Омеги,
То есть от начала до конца.

Ах, какие бури здесь бывают,
И волна встает — растяпе гроб! —
Ветром гребснь вдруг с нее сбивает,
И она курится, как сугроб.

Но реки особенная слава —
Ранняя короткая весна,
Яростное время лесосплава,
По воде летящая сосна.

Кончен сплав — ребята ходят с форсом,
Намахались досыта багром.
Пиджачки на них какие — с ворсом,
Сапоги у них чистейший хром.

В полумраке местного буфета,
Источая тонкий сладкий яд,
Два благоухающих букета
Молодой черемухи стоят.

Остановит парень семитонку
И, свистя затейливый мотив,
Входит и румяную девчонку
В нос целует, за уши схватив.

Я смотрю, — но мне-то что за дело! —
А девчонка северной весной
То ль от поцелуев угорела;
То ли от черемухи лесной.

БУКСИРЫ

Туманы. В рубке сыро.
По Северной Двине
Два стареньких буксира
Прошли навстречу мне.

И к стати ли, некстати ль,
Но имя одного
Из них — «И з о б р е т а т е л ь».
Подумать, каково!

Густого дыма тучка
Клубится над трубой.
Идет он, самоучка,
Испытанный судьбой.

А вслед ему приятель,
Поверивший в мечту, —
Спешит «П р е п о д а в а т е л ь»
С командой на борту.

За ними волны-ленгы
На обе стороны.
Идут интеллигенты,
Работники Двины.

Как будто от порога
Росистым вечерком
Пошли пройтись немного
Старик со стариком.

Я вижу там, в двадцатых,
Начало их путей,
Их пиджачки в заплатках
И в штопке у локтей.

И листики конспекта,
Шуршащие в ночах, —
Помимо интеллекта,
Хозяйство на плечах.

...Ах, как они умели,
Когда придет беда,
Срывать, натужась, с мели
Груженные суда.

Для них ориентиры
По всей Двине горят.
Идут они, буксиры,
Гудками говорят.

Герон на поверку,
Без лишней суеты
И нынче тянут кверху
Баржи или плоты.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ты живешь в своей светелочке,
Школа рядом, за углом.
Вместе с книгами на полочке
Синий гербовый диплом.

Ты сидишь на подоконнике,
Ясно слыша, как вдали
Две умелые гармоники
Спор жестокий завели.

Гармонисты здесь природные,
Созывают хоровод,
Как у нас поэты модные, —
Друга друг не признает.

И, смещая расстояния,
Отдаляя отчий дом,
Приближая милый дом,
Серебристое сияние
Излучается кругом.

Облака мерцают сизые,
Свет исходит от реки.
Все на диво белобрысые,
Спят твои ученики.

Будто льны на редкость спелые,
У девчонок по плечам
Волосенки льются белые —
Впору северным ночам.

И тебе внезапно грезится,
Как в рождественский мороз
Мужики при блеске месяца
До Москвы вели обоз.

Шли с обветренными лицами,
Путь далекий им не мил.
И стучали рукавицами.
И парнишка с ними был.

Он своими признан внуками
На века, не на года.
Он отсюда — за науками,
Ты с науками — сюда!

...Ты живешь в своей светелочке,
А за окнами — стеной
Всё сосеночки да елочки,
Березки ни одной.

Есть края разнообразнее,
Есть места куда бойчей,
Но на свете нет прекраснее
Плавных северных речей,
Белых северных ночей.

И сверкают ночи белые
Над твоею стороной,
Над озерами Карелии
И над Северной Двиной.

Море с дивной ласкою,
Страшной рыбакам,
Лодочку скуластую
Гладит по щекам.

Волн высоких сутолока,
Дождь косой да мгла.
Как нарочно, судорога
Руку вдруг свела.

«Там, где жил когда-то я,
У начала вод,
Красотой богатая
Женщина живет.

И на море серое
Изредка, в тоске,
Смотрит с прежней верою.
А у ног, в песке, —

Будто бы фонарики,
Утешая взгляд,
Желтые янтарики
Ласково горят».

Как провожают пароходы?
Совсем не так, как поезда.
Морские медленные воды —
Не то что рельсов два ряда.

И эта вот вода без края,
Зеленая, волну к волне
Вздымает, чувства обостряя
В прощальный час тебе и мне.

Как ни суди, волнений больше, —
Ведь ты уже не на земле.
Как ни ряди, разлука дольше,
Когда плывешь на корабле.

Я вспоминаю все сначала:
Пока еще не убран трап.
На самом краешке причала
Стоишь ты, голову задрав.

Ревет гудок. И в диких чашах
Платочков машущих и рук
Все, до подробностей мельчайших,
Твое лицо явилось вдруг.

Твое лицо с его красою...
Но вот мы больше не равны —
Растущей грозной полосой
С тобою мы разделены.

Как важно все, что ты сказала,
Все, что в ответ я прокричал!..

И только этим от вокзала
Не отличается причал.

Ж Е Н Щ И Н А

Здравствуй, женщина! Кто ты и что ты?
Ты откуда идешь и куда?
На лице твоём чистом — заботы,
И в глазах твоих юных — беда.

Побледнела от давней обиды:
— Я мечтала быть верной женой,
Но мои женихи перебиты,
Рано отняты страшной войной.

Мне детей не готовить в дорогу;
Одинокой, не нянчить внучат.
Я старею уже понемногу.
А в ушах моих залпы звучат.

КУКУШКА

Отважный мальчишка, исполненный сил,
Услышал кукушку и громко спросил:

— Кукушка-кукушка, а сколько мне лет?.. —
Двенадцать «ку-ку» прозвучало в ответ.

Довольный ответом, он лег на траву.
— А сколько на свете еще проживу?..

Молчала кукушка на первых порах,
И он, озираясь, почувствовал страх.

Вновь стала кукушка ему куковать,
Он сбился со счета и начал опять.

Валялся, смеясь над приметой былой.
Тянуло от сосен нагретой смолой.

И плыл над землей нескончаемый день,
И было, как в школе, считать ему лень.

ПЧЕЛА

Пчела с нектаром тянет из лощины
В настойчивом стремлении своем,
С гуденьем перегруженной машины,
Берущей трудный длительный подъем.

Скупы ее движенья и упрямы,
Она поет надсадно на лету,
Как самолет проваливаясь в ямы
И снова набирая высоту.

Едва луга с росой расстались ранней,
Ты за ее работой последуи.
А впереди плоды ее стараний,
И сотни километров впереди.

Она с крупницей будущего меда
Свершает ежечасный этот путь.
И рушится, бессильная, у входа,
Чтобы хоть полминуты отдохнуть.

И вновь летит, вдоль рощи и овражка,
У них, у пчел, неблизкие пути.
И просто ей, и сладко ей, и тяжело
Того нектара капельку нести.

К Р Ы Л Ь Я

Он долго жил в неволе, —
Шел дождь, свистел бурач, —
Нет в мире большей боли,
Чем от незримых ран.

Они сильнее ныли,
Коль сам их растравлял.
Но крылья, крылья были,
Он сам их расправлял.

Вставал, презрев слезливость,
Смотрел в ночную тьму
И верил: Справедливость
Придет сюда к нему.

Курносый страж в шинели
Навечно дверь открыл,
И своды зазвенели
От взмаха этих крыл.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Покуда дни стояли грустные
И были вы удручены,
В полях за речкою капустные
Сформировались кочаны.

Я их, пока еще рассеянно,
Бросаю на руку с руки.
Они хрустят, арбузы Севера,
Они округлы и крепки.

Но вот уже перед крылечками
Гудят машины. И вокруг
Уже капусту рубят сечками,
Несется дружный дробный стук.

Себя почувствовав мальчишкою,
Капусту белую рублю.
Побаловаться кочерыжкой
Я между прочим норовлю.

Я увлечен работой ловкою,
Как всяким делом на земле.
Для вкуса сдобрена морковкою,
Горой капуста на столе.

Руками рубится умелыми,
Ну а некрупные вилки
Кладутся в кадку прямо целыми,
Поскольку так невелики.

Расстались рощи с позолотою.
Морозец легкий, и вода,
Уже смирившись, ждет с охотою
Под утро тоненького льда.

Да зеленеет щетка озими,
Да жизнь твердит тебе: живи!
И щедрость поздней этой осени
Как проявление любви.

ПОСЛЕ ШТОРМА

Наступила тишина
После длительного шторма.
Много жадным чайкам корма
Наготовила волна.

Тени вечера легли.
Море остро пахнет йодом.
Путь давая пароходам,
Маячок мигнул вдали.

Слышен песенки мотив.
Тянет свежестью с залива.
Море плещется лениво,
Чем заняться — не решив.

Разбирают невода.
Смотрит девушка на море,
И в ее спокойном взоре
Отражается вода.

Тишина кругом стоит.
Все затихло. Лишь в тумане,
Будто мелочью в кармане,
Море галькою гремит.

П Л А С Т Ы

Я вижу это не впервые, —
Над сонной речкой залегли,
Открывшись, многовековые
Напластования земли.

Я занят ими — бурым, белым.
Какой давил их грозный пресс?
Каким ножом бесстрашным сделан
Вот этот правильный разрез?

Здесь ясно, словно на макете,
Видна история Земли.
Ее, наверно, даже дети
В два счета б выучить могли.

Здесь все периоды и эры —
Горизонтальные пласты.
Здесь для геологов примеры
Ошеломляюще просты.

«Была планета молодою...»
Да кто ей нынче много даст?!

Внизу, над тихою водою,
Где самый древний виден пласт,
Скоба для лодки в камень вбита
И пахнет явственно жильем.
На двух камнях стоит корыто,
Девчонка возится с бельем.

СТАРЫЕ СЛОВА

Хотя вошли в права
И формулы и термины,
Но старые слова
Народом не потеряны.

Над речкой синий дом,
Где добрый друг мой — лодочник.
Все просто в доме том,
Не штопор там, а пробочник.

Сидим уже давно,
Закусываем ситником.
Пью белое вино
Не рюмкой, а лафитником.

Сидим, слегка хмельны,
Средь разговоров искренних,
И смотрит со стены
Не календарь, а численник.

И, верьте, в этом всем
Нет никакого вызова
Машинам за окном,
Экрану телевизора.

БОКСЕР

Я новичок, партнер удобный тот,
Которого на легкой тренировке
Боксер известный равнодушно бьет,
Швыряя на канаты, для сноровки.

Ты бьешь меня безжалостно, судьба,
Спокойная и сильная такая,
Пот не давая мне смахнуть со лба
И из угла меня не выпуская.

Но с каждым днем я крепну и расту,
Я только с виду немощен и кроток,
И я лелею сладкую мечту —
Сбить с ног тебя ударом в подбородок.

И я кружу, усмешку затая,
Тебе в ответ готовлю свой подарок.
А голова мотается моя
От этих сокрушительных ударов.

Я если в горы шёл — до дрожи
В ногах. На самый перевал!
Я если пил с друзьями — тоже
Вино водой не разбавлял.

Не белоручкой рос я, — что ты! —
Я лес валил и не пишал,
Когда от умственной работы
Усталость в теле ощущал.

В САМОЛЕТЕ

В электрических контурах слабых
Города проплывают внизу.
Я трясусь на воздушных ухабах,
Проклиная такую езду.

Скоро ль ты, полоса из бетона?
На кулак навалилась щека.
А моторы звучат однотонно,
Будто старая песнь ямщика.

Не похоже ль — в казенной кибитке
Проносился когда-то стрелой,
На ухабах кривясь, как от пытки,
Кучерявый седок удалой.

Поразмыты косыми дождями,
Ах, какие дороги легли
Между ним и журналом, друзьями,
Между ним и его Наталей.

* * *

Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуска не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.

Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбежку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.

И так вошел он в роль, что наконец
Стал храбрецом, почти уже природным.
Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец
Навечно притворился благородным.

Скрывая подлость, день бы ото дня
Такое же выказывал упорство.
Во всем другом естественность цена,
Приветствую подобное притворство!

Окончилась ночная смена,
И наступила в мире тишь.
Руками обхватив колено,
Ты в пыльном кузове сидишь.

И едешь вдаль, спиной к кабинке,
Качаясь мерно и дремля,
По самой дальней по глубинке, —
А по бокам бежит земля.

И видят люди, пролетая
В машине встречной с ветерком,
Как грудь обтянута крутая
Чуть полинялым свитерком.

Как по лицу проходят тени
Ветвей, зеленых от весны,
Как бел платок и на колене
Как пальцы переплетены.

БОЛЬНИЦА

Самая просторная больница —
Как темница людям все равно.
Как средневековая бойница —
Крупное больничное окно.

Очень ясно вижу и поныне
То окно. В нем только небосвод,
И в его невероятной сини
Облаков величественный ход.

С В Е Т

Был долго болен этот человек,
И наконец — к весне — он робко встал с постели.
А за окном горел под солнцем яркий снег,
Сосульки важно, как стеклянные, висели.

Когда с трудом он оторвался от окна —
От блеска, от снегов, от голубого тона, —
То комната уже была ему темна,
И улыбнулся он устало и смущенно.

Стоял он, как слепой, покуда не привык,
Стоял спиной к окну и, радостью томимый,
Не видел пред собой ни тумбочки, ни книг
И ни отрадных слез в глазах своей любимой.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЮНОСТИ

Весенний ветер, в окна дунувший!..
Я вспомнил юности зарю.
На нынешних беспечных юношей
Без всякой зависти смотрю.

О них не думаю с обидою,
Мне это вовсе ни к чему.
А если я чуть-чуть завидую,
То лишь себе же самому.

«Не так вы жили и живете, —
Мне говорит один юнец, —
Не так в любви, не так в работе,
Не так в мечтаньях, наконец.
Однако многое, конечно,
Вам было в жизни по плечу...»

А я смотрю почти что нежно,
А я не спорю, я молчу.

Пусть в край далекий уезжают
И на пути своем крутом
Пускай сначала возмужают,
Пускай оценят нас потом.

Пускай услышат в ночь июня,
Как время травами шуршит.

Пусть снисходительная юность
Свой суд над зрелостью вершит.

ЗАБЫТАЯ ПЕСЕНКА

Забытая песня возникла, звеня,
В ночи, за углом,
И за́ душу вдруг зацепила меня
Прозрачным крылом.

Я слышал ее, но когда-то давно,
В былые года,
Я песенку эту, идя из кино,
Сам пел иногда.

Потом она как-то отстала от нас,
Осталась вдали.
И время другое, и песни сейчас
Другие пошли.

И планы иные у нас по весне,
Иное житье.
А песенка эта, ну что она мне,
Чтоб помнить ее?

Но вот она снова возникла, звеня,
В ночи, за углом,
И за́ душу вдруг зацепила меня
Прозрачным крылом

НОЧНАЯ СТЕПЬ

Мне все там было незнакомо:
И что кругом ни огонька,
И жирный запах чернозема,
Во тьме текущий как река.

Не нарушаемая ветром
Стояла в мире тишина.
Казалось небо даже светлым, —
Так там земля была черна!

ДЫНИ

Душною ночью синей,
Сладким по горло сыт,
Мальчик в обнимку с дыней
В поезде южном спит.

Слышу колес напевы,
Мир темнотою сжат.
Дыни, как королевы ---
Свергнутые, лежат.

О, золотые дыни!
Мы их не бережем.
Рушатся их твердыни,
Падают под ножом.

Режем мы их ломтями,
Медленно их жуем.
В стол упершись локтями,
Думаем о своем.

Мчимся ночной дорогой,
С нею наедине,
Думаем о далекой
Северной стороне.

А на бахчах без края
В слабых лучах луны
Дыни лежат, мерцая, —
Желтые валуны.

СТЮАРДЕССЫ

Взмывают корабли из Праги, из Одессы,
Из Внукова у нас всплывают в высоту.
Проходят по ковру меж кресел стюардессы,
От легких их шагов уютно на борту.

Они приносят вам газеты и журналы,
Прозрачный целлофан для вечного пера.
А под крылом уже — бездонные провалы,
Где бликов и теней извечная игра.

Вы, стюардессы, мне порою даже снитесь.
Гроза! А я лечу, и страха в сердце нет.
Вы говорите мне: «Вниманье! Пристегнитесь!»
Я смутно улыбаюсь вам в ответ.

Лечу. Ведь я бывал в полетах очень многих.
Я видел стюардесс и их воздушный труд.
Кого сюда берут? Глазастых, длинноногих,
Отважных, молодых и женственных берут.

Тут соль не в красоте, а в радостной догадке:
«Коль женщина вблизи — все правильно идет!»
И мы глядим бодрей и верим: все в порядке, —
Будь то блиндаж, окоп иль просто самолет.

Да, это нам не раз удваивало силы,
Мы множество и впредь свершим еще чудес!..
Когда режут во тьме «ТУ», «АНЫ» или «ИЛЫ»,
Простят пилоты мне, я вижу стюардесс.

Все дальше от земли поет стальная птица.
А пассажирам что! — летят своим путем.
Но мужество тут есть, — хотя бы и частица, —
И женщина сама присутствует при нем.

П Л А Н Е Р

Незабудки цвели на газоне.
Был над пашнями пар серебрист.
В ловко скроенном комбинезоне
Шел по мягкой траве, планерист.

Воротник на манер капюшона,
Многих пряжек блестящий металл.
А смотрел он слегка отрешенно,
Будто он на Луну улетал.

Разом рты восхищенно разинув,
На него мы глазели в упор.
— Ну, давайте тяните резину! —
Он бросал, залезая в планер.

Мы должны натянуть до предела
Два резиновых гулких жгута,
Чтоб запела она, загудела,
Принимая его, высота.

Мерно двигаясь полем зеленым,
Мы, сцепив на жгутах кулаки,
Шаг за шагом, с упрямым наклоном,
Шли, как давних времен бурлаки.

Были эти мгновенья сладки --
В ослепительно синий простор
Вылетающий, как из рогатки,
Возносился бесшумно планер.

В этот миг мы почти забывали,
Что начала остались в былом,
Что уже заполярные дали
У пилотов прошли под крылом.

Мы в другой пребывали заботе —
Перед нами была высота,
И сбывалась мечта о полете,
Дорогая людская мечта.

Был самолет упасть готов
Над краем пропасти.
Его крутящихся винтов
Дрожали лопасти.

Но сели, вырвались из тьмы,
Ушли от гибели.
И вот бутылку взяли мы
И пробку выбили.

Бутылку взяли не спеша
И пробку выбили
И, чтоб жива была душа,
На счастье выпили.

А в уголке варился суп
На желтом примусе,
И в воздухе различных круп
Витали примеси.

О, как приятно было нам,
В тулупы кутаясь,
Сидеть, смотреть по сторонам,
В деталях путаясь.

В глаза врачихины глядеть,
Большие, карие,
И все шуметь, и все галдеть
О той аварии.

Уже мы видели с трудом
Себя недавними...

Но вспомнится не этот дом
С резными ставнями,
Где засыпаем на полу
Мы от усталости, —

А под крылом густую мглу
Мы вспомним в старости.

Все, что не нужно, отойдет,
Другим заполнится,
И лишь ревуший самолет
Навек запомнится.

Хозяин, где я ночевал,
Да не обидится.
Пилота руки и штурвал
Лишь будут видеться.

П Р Ы Ж О К

Полосы литой бетон.
От винтов свистящих — вьюга.
Парашют уложен туго,
Аккуратный, как бутон.

Что вы знали на веку,
Вы, что там, внизу, живете,
Если даже в самолете
Вы бывали наверху?

Окунаясь в воздух злой,
Корабля покинув лоно,
Не скользили вы наклонно
Между небом и землей.

Ветра твердая струя
Не швыряла вас для пробы
В неба рыхлые сугробы, —
В них проваливался я!

Что вы знали там, внизу?
Что с дождем идет прохлада
И что прятаться не надо
Под деревьями в грозу.

Не крутил вас этот шквал.
Вряд ли были вам желанны
Неба синие поляны,
По которым я гулял.

Кто б сказать вам это мог,
Если б купол надо мною,
Ярко брызнув белизною,
Не раскрылся, как цветок?

Приятно ранним утром встать в пути,
Не все ль равно — на суше или в море,
По выскобленной палубе пройти
Иль постоять в вагонном коридоре.

Иль, вздрогнув, пробудиться поутру
В лесу, где пахнет хвоей и грибами,
И потянуться к спящему костру
От сна еще нетвердыми губами.

Или у друга старого в дому
Проснуться, встать и сладко удивиться
Тому, как ты попал сюда, тому,
Как под ногой играет половица.

На новом месте плохо спится мне.
Очнешься вдруг — все дико, незнакомо,
Объято сном. И странно в тишине,
Что ты все тот, а вот уже не дома.

А на часах — не более пяти.
И легкий холодок течет по коже.
Приятно ранним утром встать в пути...
Мы только дома любим спать попозже.

Ч А С « П И К »

Мир тонет в гомоне и лязге.
Во все углы проник бензин.
Грудной заходится в коляске,
Один, у входа в магазин.

Плывут машины, как в тумане,
Едва не трутся — борт к борту.
Регулировщик — весь вниманье —
В стеклянной будке на посту.

Играют девочки в скакалки,
Все позабыв среди забав.
Хохочут две провинциалки,
Чуть под колеса не попав.

Визжат, минуя повороты,
Трамваи, — как в кошмарном сне...
И человек идет с работы,
Блаженно щурясь в тишине.

Ч А С П Е Р Е Р Ы В А

Звучит звонок торжественно, как в школе,
Несется облегченья общий вздох.
И вот они выпархивают вскоре, —
Час перерыва. С трех до четырех.
Спешат — за продавщицей продавщица —
В цветных халатах форменных бегут,
И этот яркий рой, порхая, мчится,
Чтоб выгадать хоть несколько минут.
Знакомою дорогой, будто новой,
Летят они к манящему огню
И с ходу изучают у столовой
Висящее на улице «Меню».
И на правах клиентов самых старых
В столовую врываются толпой —
Из «Изотопов», «Электротоваров»,
«Синтетики» и «Обуви мужской»,
Из «Мебели», из «Скобяных изделий»,
Из книжного — спешат на скромный пир.
За столики неприбранные сели,
Берут себе сосиски и кефир,
И сладкое — мороженое, что ли!
Друг дружке столько надо рассказать:
О мальчиках и о вечерней школе,
О фильме и о мальчиках опять,

Похохотать, на мир взглянуть влюбленно
И увидеть, что день совсем неплох,
Но что к концу подходит неуклонно
Час перерыва — с трех до четырех,
Пока мерцают в магазине своды,
Пока там тихо длится перерыв,
Пока жуют кассирши бутерброды,
Оконце кассы счетами прикрыв.

* * *

Было что-то и общее в нашей судьбе, —
Мы дружили, к фальшивому люты...
...Он часами умел говорить о себе,
Слушать он не умел ни минуты.

Как я знал всю историю жизни его! —
И любовь и военные были.
Он, по сути, не знал обо мне ничего,
Хоть давно мы приятели были.

Он часами с конька своего не слезал,
И, устав от такого порядка,
Все, что знал я о нем, я ему и сказал,
Изложив по возможности кратко.

Он обиделся. Что же! А я, уходя,
Взгляд его ощущая спиною,
С удовольствием взял свою кепку с гвоздя,
Громко крикнув: — Закройте за мною!

Как над девичьей чистой постелью,
Плыл восход над землей в тишине.
Был он будто написан постелью
И дрожал на беленой стене.

Трепетал над полями-лесами,
Над росистыми крышами хат...
От него отделенный часами,
Перед вечером вспыхнул закат.

Не был он исключением из правил,
Но с огромною силой какой
Стекла в окнах безжалостно плавил
И костры затевал за рекой.

Будто дню уходящему назло,
Он сурово вдали полыхал.
Не пастель с акварелью, а масло,
Остывающий темный накал.

...И у жизни такие законы:
На земле человек родился, —
В честь него не шагают колонны,
Транспаранты и флаги неся.

А умрет — и печальные люди
Всё идут и идут... А порой
Громяют винтовки в салюте
И рокочет оркестр духовой.

И единственной мыслью беспечной
Каждый душу залечивать рад, —
Что лежит еще день бесконечный
Между вами, восход и закат.

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Там окошко распахнуто в сад,
Ветки влажные в стекла стучат.
Там у лампы девчонка сидит
И в раскрытую книжку глядит.

А из сада, где глухо, темно,
Смотрит парень на это окно.
Песни девичьи где-то слышны,
Но они ему только смешны.

Оторвать он не в силах свой взгляд
От окошка, раскрытого в сад.
Ничего не случится у них.
Есть давно у девчонки жених.

Вот девчонка все книжки прочтет
И уедет к нему через год.
Будет хатка во мраке белеть.
Будет сердце у парня болеть.

* * *

Качнулась и раскололась
Снов тоненькая гряда.
Меня разбудил твой голос,
Был свежий он, как вода.

И, счастлив невольным счастьем,
Что ты навсегда со мной,
Я слушал его с участием
Из комнатки за стеной.

В нем все меня занимало —
Был утренний, чистый он...
А я не любил, бывало,
Чтоб мой прерывали сон.

Еще я смотрю беспечно,
Шагаю густой травой...
Хочу одного: чтоб вечно
Будил меня голос твой.

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь взгрустнешь
Ты обо мне немножко.
Когда-нибудь всплакнешь
У мутного окошка.

В холодной ряби луж
Девчонки моют боты.
И твой — как странно! — муж
Идет уже с работы.

Дождливым серым днем
Войдет и плащ свой сбросит.
— Ну что? Опять о нем? —
Тебя с обидой спросит.

Ж Е Н Ы

Есть жены, что всю жизнь — как дети,
Они капризны и милы,
Они живут на белом свете,
Светясь от каждой похвалы.

И, открывая утром глазки,
Почти беспомощно глядят.
Наивным требованьем ласки
И счастья светится их взгляд.

Они любимые, родные,
Хоть к нам добры не всякий раз...
И жены есть совсем иные,
Те — словно матери для нас.

Дела, дела до самой ночи,
Все близко ей в твоей судьбе.
А открывает утром очи,
И в них — забота о тебе.

...Но четкой грани все же нету:
С тех пор как стала ты женой,
Поочередно то и это
В тебе является одной.

* * *

Без разрыва и гула, —
Не минувшей войной, —
Человека шатнуло,
Как взрывною волной.

Находился при деле,
А раскрыл письмецо,
И глаза потускнели.
Исказилось лицо.

А ведь был он упрямый,
Был уверен в судьбе,
А ведь с юности самой
Жил, внушая себе:

Убивают кого-то, —
Нас не могут убить.
Забывают кого-то, —
Нас нельзя разлюбить.

ДОМ

Не четыре стены,
А над ними крыша, —
Дому нету цены,
Шире он и выше.

Не диван, не кровать,
Не обоев краски.
Нужно дом начинать
С верности и ласки.

Если в нем скопидом,
Это просто зданье,
Это вовсе не дом,
А одно названье.

Это тоже не дом,
Если там, к примеру,
Нас едят поедом,
В нас теряют веру.

Что ты сделаешь тут?
Скверная примета!
Если дома не ждут,
Право, дом ли это?

Но своим чередом
К нам приходит чудо.
И у вас будет дом,
Если нет покуда.

Голубая звезда
В мировом пространстве.
Возвращаюсь туда
Из далеких странствий.

ОКНА

Сопровождают окна вас повсюду.
Они, как звезды, незаметны днем,
Но вечером они, подобно чуду,
Внезапным озаряются огнем.

Скользит их свет, пронзая теплый воздух.
Звезда. Звезда. Еще одна звезда.
И на вопрос: «А есть ли жизнь на звездах?»
Я говорю с уверенностью: — Да!

На них свои туманности и пятна,
Их, астроном, попробуй — изучи!
Вон та звезда знакома и понятна,
У этой необычные лучи.

Они глядят сквозь спутанные ветки,
Их отражает в лужицах вода.
А выдернули вилку из розетки,
И выключена целая звезда.

И грустно мне, что зыбким полукругом
Лежат во тьме пустынные дворы,
Что поздний час, что гаснут друг за другом
Торжественные звездные миры.

ПРИХОД ВЕСНЫ

Все еще неокончено, шатко,
Но свершается нечто вокруг,
И неясная наша догадка
Переходит в уверенность вдруг, —

Как великих законов открытье,
Как сознание, что любят тебя.
И уже предстоит нам отплытье.
А весна нарастает, трубя.

...О, речушки в пузырьчатой пене,
И гусей поднебесный парад,
И ветвей беспокойные тени,
И недвижимые тени оград!

ПИАНИСТ

Сел — и дела нет ему до зала,
Он в свою работу погружен.
На пределе страшного накала .
Вот уже неистовствует он.

Он своей заботой озабочен,
Он не хочет больше ничего.
Черный фрак — его халат рабочий,
Спецодежда строгая его.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Луга луной озарены,—
Здесь нет иного освещенья.
Разноречивы ощущенья
Под странным отсветом луны.

Иду один — в луга, в луга.
Луною залита дорога,
Лежит прямая тень от стога,
И травы, травы, как снега.

Иду один. И мнится мне
Под этой белою луною,
Что хоть она и надо мною,
Но будто сам я на луне.

Как бы не весь, а только часть...
Не те законы притяженья.
Соизмеряю все движенья,
Чтоб не взлететь и не упасть.

С тобой бывает так? Сидишь
В своем привычном мирном доме,
Но сам ты в битве, в пекле, в громе,
А между тем повсюду тишь.

И сам ты, взрослое дитя,
Болтаешь запросто с женою —
И слышишь пенье за стеною,
В атаку страшную летя.

Вот так и я сейчас — брожу
В земном, в полночном мире этом
И вдруг знакомый по газетам
Тот, лунный вымпел нахожу.

И, средь бездонной тишины
Вдруг вижу, что в лугах очнулся,
Что только что с луны вернулся...
Луга луной озарены.

* * *

Когда-то мудрецы закон провозгласили:
Чтобы осталась жить хоть часть твоей души,
Покуда не уснул в бессмысленной могиле,
О жизни на земле ты книгу напиши.

Или когда друзья тебе прикроют веки,
Когда ты завершишь дорогу бытия,
Пусть в созданном тобой отважном человеке
Струится кровь твоя, стучится мысль твоя.

Или когда навек поникнешь головою,
Когда окончишь ты последний грозный бой,
Пусть дерево шумит зеленою листвою,
Что было на земле посажено тобой.

...Под этой синевой, под этим небом звездным,
Заветам мудрецов я трижды верен был:
Я книгу написал, я человека создал,
Я тонкую рябинку посадил.

* * *

Смотрим мы зелеными глазами
В зелень вод.
Смотрим голубыми-голубыми
В небосвод.

Серыми — на серую, литую
Смотрим сталь.
Теми, что даны нам от природы,
Смотрим в даль.

И пока не станет перед взором
Вдруг темно,
В даль смотреть счастливыми глазами
Нам дано.

МОИ СТИХИ

Мои стихи живые,
Моей души запал.
Писал их, как впервые,
Порой ночей не спал.

И вот они в журнале, —
Редакторы прочли,
Наборщики набрали,
Корректоры считали,
Ошибок не нашли.

Журнала книжку эту,
Где есть мой скромный труд.
Потом несут по свету,
На поездах везут.

Потом далекий отзвук
Дойдет обратно к нам, —
Или напишут отзыв,
Иль их услышишь сам.

И счастлив я бываю,
Порывисто дышу.
Я их не забываю,
Хоть новые пишу.

Они живут на свете
Среди большого дня,
Как выросшие дети, —
Отдельно от меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Первая любовь	5
Весенняя природа	7
«Счастливы слышать женский смех...»	8
Закат	10
Сны	12
Яблоки	13
Оркестр	14
Снег	15
Скамья	16
Родня	18
Утро в Донбассе	21
«На угле отпечатана листва...»	22
Шахта	24
Гармонист	25
Мачтовые сосны	26
Ночная гроза	27
Паровозы	29
Отдых у моря	31
Сломанная сосна	33
Метель	34
Боль	35
Отступление (1941)	36
Настя	37
Раненый	38
Баллада о пролитой крови	39
Невесты	42
Встреча	43
Минское шоссе	44

Солдаты	45
Сорок первого года рожденья (песня)	46
«Хоть рев стволов зенитных лют...»	48
«О, эти вечера в Политехническом!...»	50
«Все реже мы стихи друг другу...»	51
«Ниспроверяют незаслуженно...»	52
«Надоела симметричность...»	53
Товарищ	54
Новые дороги	55
Онега	56
Буксиры	58
Белая ночь	60
«Море с дивной ласкою...»	62
«Как провожают пароходы?...»	63
Женщина	65
Кукушка	66
Пчела	67
Крылья	68
Поздней осенью	69
После шторма	71
Пласты	72
Старые слова	73
Боксер	74
«Я если в горы шел...»	75
В самолете	76
«Трус притворился храбрым на войне...»	77
«Окончилась ночная смена...»	78
Больница	79
Свет	80
Воспоминание о юности	81
«Не так вы жили и живете...»	82
Забывтая песенка	83
Ночная степь	84
Дыни	85
Стюардессы	87
Планер	89
«Был самолет упасть готов...»	91
Прыжок	93
«Приятно ранним утром встать в пути...»	95
Час «пик»	96
Час перерыва	97

«Было что-то и общее в нашей судьбе...»	99
«Как над девичьей чистой постелью...»	100
Грустная песенка	102
«Качнулась и раскололась...»	103
Когда-нибудь	104
Жены	105
«Без разрыва и гула...»	106
Дом	107
Окна	109
Приход весны	110
Пианист	111
Лунная ночь	112
«Когда-то мудрецы закон провозгласили...»	114
«Смотрим мы зелеными глазами...»	115
Мои стихи	116

Ваншенкин Константин Яковлевич

О К Н А

М., «Советский писатель», 1962, 120 стр.

Редактор *Е. А. Исаев*
 Художники *С. С. Верховский* и *Д. Б. Леон*
 Художественный редактор *В. В. Медведев*
 Технический редактор *И. Ф. Кузьмин*
 Корректор *Л. К. Фарисеева*

* * *

Сдано в набор 28/VIII 1962 г. Подписано к печати 31/X 1962 г.
 А10505. Бумага 70×108^{1/2}. Печ. л. 3^{3/4} (5,14). Уч.-изд. л. 2,80.
 Тираж 35.000 экз. Заказ № 1168. Цена 14 коп.

* * *

Издательство «Советский писатель»
 Москва К-9, Б. Гнездииковский пер., 10

* * *

Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46